

МОРДОВСКИЙ САРАФАН

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Зачем иду я к ней, к этой странной и вдобавок беременной женщине? Зачем завязал и поддерживаю это ненужное и даже противное знакомство? Встретились вчера в Леонтьевском, и опять - радостная улыбка, минута несвязного, неловкого разговора, а затем крепкое рукопожатие и просьба:

- Заходите как-нибудь на огонек! Буду сердечно рада. Заходите, когда вздумается, я всегда дома. Заходите завтра, я вам покажу мой новый мордовский сарафан...

И вот опять иду и даже спешу почему-то.

Навстречу дует сырой мартовский ветер. Над Москвой черная весенняя ночь. Впереди чисто блестят фонари. В вышине, в черно-синем небе, белеют пухлые облака, снизу освещенные городом. В них теряются таинственно мерцающие старой позолотой церковные маковки. И отовсюду красновато глядят бесчисленные глаза домов, кажущихся в темноте огромными.

Опять, вероятно, ждала весь день, готовилась, - ходила покупать фрукты и печенья, принарядилась... Она вообще вообразила, кажется, будто жизнь ее вдруг приобрела какой-то радостный интерес, будто нашелся какой-то "чуткий" человек, который наконец оценит ее неоцененную мужем душу. - При мысли обо всем этом так стыдно, что хочется повернуть и бежать назад...

Однако вот и подъезд. Вхожу и без отдыха поднимаюсь по узкой лестнице, устланной затоптанным ковриком. Ух, черт, как высоко и как вообще все это нелепо! Но все равно - уже позвонил. Поспешные шаги за дверью - и дверь открывается, и не горничной, а самой хозяйкой.

Опять радостная и, как всегда, почему-то удивленная улыбка, миг обоюдного смущения - и торопливые, видимо, заранее приготовленные фразы:

- Ах, как мило, что сдержали обещание, забрели на огонек! А я совсем в одиночестве, даже прислугу отпустила, у них ведь, знаете, настоящее помешательство, этот кинематограф... Ну-с, разоблачайтесь и идем чай пить...

Дался ей этот "огонек"! А в придачу "разоблачайтесь" и бестактный поцелуй в висок, когда я поцеловал ее руку, и заявление об отсутствии прислуги. Стыдно уже нестерпимо, однако вхожу в гостиную бодро, как ни в чем не бывало, развязно протирая очки платком. И, протирая, думаю: да, и волосы убраны очень хорошо, видимо, у парикмахера, - значит, я был прав, ждала, готовилась, - и потом это болотно-зеленое бархатное платье, приоткрывающее полные груди, и жемчуг между ними, и чулки из серого шелка, и атласные туфельки...

- Присаживайтесь, милый Петр Петрович, я сию минуту...

И быстро уходит. - Очень возбуждена и, надо правду сказать, очень не плоха. Какая-то особая красота беременности, чудесный расцвет всего тела. Губы уже слегка воспалены, припухшие, но зато великолепно темны и блестящи глаза.

Со вздохом падаю всей своей тушей на диван. Обстановка, конечно, обычная: раскрытое черное пианино, над ним портрет грозного широкоскулого Бетховена, возле большая лампа на высокой подставке под огромным розовым абажуром, перед диваном столик, спиртовка для чайника, пирожные, фрукты, золотые ножички; а на креслах в изломанных и беспомощных позах лежит куклы: баба в желто-красном сарафане, добрый молодец в жаровой рубашке, в плисовой безрукавке и в круглой шляпке с павлиньими перьями, маркиза в белом парике из ваты, арлекин, Коломбина...

- Ну-с, вот и я.

Ставит чайник на спиртовку, зажигает ее, собирает с кресел игрушки и с улыбкой валит их мне на колени:

- Мои новые шедевры. Любуйтесь и критикуйте.

Любуюсь: для видимости интереса, внимания и беспристрастности выдумываю маленькие придирки, пересыпая их лестью. Она наливает чай, - "ведь вам покрепче, не правда ли?" - и с улыбкой подает мне чашку, отставив мизинец. И начинается беседа, если только это можно назвать беседой, так как говорит, по обыкновению, только она. О чем? О том же, о чем и всегда. Сперва об игрушках, которых я терпеть не могу, но которые я продолжаю рассматривать и среди разговора, так как это "ее страсть, то единственное, на чем она отводит душу, созданную, и сущности, только для искусства", затем о муже, которого я и до сих пор ни разу не видал и о котором она говорит с фальшивой веселостью, -